

ИВАН ОХЛОБЫСТИН

**БЛАГОСЛОВЛЯЮ
НА ПРАВЕДНЫЙ БОЙ!**

СОПРОТИВЛЕНИЕ МИРОВОМУ ЗЛУ

Иван Иванович Охлобыстин
Благословляю на
праведный бой!
Сопротивление мировому злу
Серия «Коллекция Изборского клуба»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21519943

Благословляю на праведный бой! Сопротивление мировому злу:

Книжный мир; Москва; 2015

ISBN 978-5-8041-0765-0

Аннотация

Писатель, политик, священник, актер Иван Иванович Охлобыстин давно и прочно вошел в нашу жизнь с теле- и киноэкрана. Но, глядя на ярких героев, которых Иван Иванович создает на экране и на сцене, каждый из нас нет-нет да и задумается: а насколько эти образы соответствует реальному человеку? Какое лицо мы увидим, если он снимет актерскую маску?

Что на самом деле думает и чувствует человек, которого разрывают, как он сам сказал, «внутренние противоречия» между божьим зовом и призыванием к искусству? Который «свой» и среди

политиков и философов за столом Изборского клуба, и на татами среди любителей каратэ и айкидо?

Эта книга, в которой автор искренне разговаривает с читателями от первого лица и о глубоко личном, и о том, что волнует всех – отличный, и может быть единственный шанс заглянуть во внутренний мир человека, вызвавшего интерес миллионов, но так и оставшегося загадкой. Не упустите его!

Содержание

Над бездной

6

Конец ознакомительного фрагмента.

40

Иван Охлобыстин
Благословляю на
праведный бой!
Сопротивление
мировому злу

© Охлобыстин И. И., 2015

© Книжный мир, 2015

Над бездной

(Об авторе)

Как всякий порядочный человек, раз в год я привожу в порядок бумаги. Последнее завещание звучит так: «Меч «Путник» – Савве, меч «Веер» – Васе, кинжал «Карп» – Анфисе, испанскую гитару – Варе. Со всей остальной ерундой разберетесь сами».

...Мне десять лет, и я абсолютно счастлив. После долгих уговоров мама наконец-то купила велосипед «Орленок». Я отнес его к старому амбару, подтянул цепь, подкачал шины и только собрался оседлать, как вдруг в голове пронеслась страшная мысль: «А ведь я когда-нибудь умру». Меня охватил страх, но он не был похож на те детские страхи, которые я испытывал прежде. Это была какая-то дикая, непреодолимая, прекрасная жуть, бездна, которая исходила из глубин моей души и захватывала все сознание. Я отчетливо слышал каждый удар своего сердца, чувствовал, как пульсирует кровь в венах, жадно глотал воздух, но не мог надышаться.

Я сел на велосипед и три дня на дикой скорости мотался по оврагам и холмам. Рискуя, падая, разбиваясь – только бы забыть. Я не мог спать и есть. А потом Это ушло, и я понял – мы бессмертны, потому что иначе все теряет смысл. И с тех

пор я не боюсь смерти, но ощущение бездны периодически возвращается.

Родился я в доме отдыха «Поленово» и, согласно семейной легенде, прямо во время демонстрации фильма «Этот безумный, безумный, безумный, безумный мир» Стенли Крамера. Папа тогда работал там главным врачом. Мама на сносях была. Девятый месяц... Вместе с сотрудниками она смотрела фильм, и на середине у нее начались схватки. Испуганную роженицу успели донести только до берега Оки, и прямо на скрипучем причале папа принял роды. Он командовал маме, когда надо тужиться, перерезал пуповину, а уже потом, утром, отвез на лодке нас в роддом.

Другая семейная легенда тоже связана с кино. Когда мне было два года, мы поехали отдыхать на юг, и где-то там, у моря, актер Николай Черкасов, близкий друг отца, взял меня на руки и сказал: «Неистовый малыш, он еще удивит мир». Но я думаю, что папа тут приврал. Скорее всего, Черкасов просто переложил меня, описанного, с места на место и, возможно, при этом добавил что-то типа: «Какой славный бутуз!»

Папа вообще был большой фантазер и выдумщик, хорошо разбирался в кино, дружил со многими видными деятелями искусства и политики. Как-то рассказывал, что когда воевал в Испании, делал там операцию Гале, жене Сальвадора Дали. Отец был тем самым врачом, который констатировал смерть Бери. Его вызвали в качестве судмедэксперта на ночной расстрел Лаврентия Павловича. Будучи доктором

опытным, он предложил Берии перед расстрелом сходить в туалет. Тот отказался, и в результате – конфуз. Папа очень негодовал, что, мол, маршал, Герой Социалистического Труда, и так неаккуратненько ушел из жизни. Нельзя точно сказать, что из всего этого правда, а что нет. Но он мог себе это позволить.

Когда папа познакомился с мамой, ему было шестьдесят два, ей – лишь девятнадцать. Не знаю уж, чем он покориł неискушенную студентку МФТИ. Скорее всего, она подпала под флер действительно обаятельного, умного мужчины, героя войны, красавца, гвардейца. Но, видимо, по мере совместного проживания у мамы пелена-то с глаз спала и она наконец заметила его возраст. Они развелись, когда мне было пять лет. Не думаю, что там была такая уж трагедия. Во всяком случае – не для меня. Я в то время жил с бабушкой и прабабушкой по маминой линии в военном пансионате в деревне Воробьево Калужской области, куда папу перевели главным врачом. Мама с отцом потом быстро перебрались в Москву, а я остался в Воробьево.

Первые мои воспоминания – это обнаженные каменные женщины с веслами, тенистые аллеи, пристань с арендой лодочек. За оградой пансионата – выпукло-вогнутая местность: долины, холмы, глубокие овраги. Гигантские кряжистые дубы, затянутый ряской и лилиями пруд. Маленькая речушка, то необычайно быстрая, то уходящая в никуда и движущаяся незаметно под корневищами деревьев. Там было

очень низкое и очень красивое небо. Кучевые облака, словно скользящие по стеклу. Поля с гудящими башнями высоковольтных линий. На проводах – стаи ворон...

Вообще детство – самое счастливое время жизни. Собственно, это и есть жизнь. Все остальное не более чем вариации, просто развитие темы, заданной в начале.

Маму и папу я видел одинаково мало. После развода мама восстановилась в институте, и я, хоть и был мал, понимал, что молодая девчонка, попутанная старым, пусть и любимым сатиром, должна все-таки получить образование, встать на ноги, устроить свою личную жизнь. Я ее любил и люблю сейчас, хотя мы мало общаемся. Это моя вина, и Ксюха меня корит за это.

Папа приезжал в пансионат раза два в год. Его обожали и боготворили все: от председателя местного колхоза до рядовой доярки. По приезду отец устраивал в клубе что-то вроде политинформации. Что он рассказывал, не знаю, но его лекции были похожи на гипнотический сеанс, потому что зал всегда был забит до отказа, как на фильмах с Гойко Митичем.

Как-то уже взрослым я приехал в те места, ходил по соседним деревням. Папы давно не было на свете, но когда пожилые селяне узнавали, что я сын того самого Охлобыстина, – все! Передо мной распахивались любые двери, на меня смотрели как на царского сына.

Да я и рос как цесаревич. Мне все прощалось, потому что

я – сын Ивана Охлобыстина. Помню, в начальной школе я влюбился в дочку председателя колхоза. Носил ее портфель, а потом предложил бежать в Африку. Девочка согласилась без особых сомнений, и как-то утром, набив ранцы бутербродами, мы вместо школы отправились на Черный континент. До станции нужно было идти километра два через поле. Пошел дождь... Мы укрылись в стогу сена, я осторожно взял мою спутницу за руку и хотел уже признаться в любви, как тут перед нами возникла физиономия колхозника.

Скандал был ужасный. «Где этот малолетний хулиган, я его порву!» – кричал мой потенциальный тесть.

Но когда узнал, что хулиган – Иван Иванович Охлобыстин, его лицо сразу украсила бессмысленная, неконтролируемая улыбка. «Ты к нам заходи, сынок, не стесняйся, будь как дома», – сказал он, по-отечески поглаживая мою русую макушку.

Моей первой влюбленности не суждено было перерасти в нечто большее. Скоро мама решила забрать меня в Москву. Ее к тому времени уже распределили в какое-то министерство, связанное с пшеницей, она получила комнату в коммуналке.

Отъезд был самым несчастным днем моего детства. Разлука с друзьями, вольной деревенской жизнью и первой любовью казалась мне трагедией, катастрофой вселенского масштаба. Но особенно печалило расставание с бабушкой, потому что я любил ее безумно. Больше всех на свете.

Бабушка была ветераном войны, женщиной неукротимой храбрости и нереального мужества. Когда наступало 9 Мая, ей звонили со всей страны. На фронте она была медсестрой, и за проявленную смелость ей присвоили прозвище «Маша-солдат». Бомбежка не бомбежка, стреляют не стреляют – ей все равно. Вытаскивала с поля боя всех раненых. Бывало, что и немцев. Потом это засчитывалось как взятие в плен. На самом деле она, видимо, не понимала, что делает, просто перла на себе раненого человека – и все.

Бабушка очень неудачно вышла замуж. Она была красивой и яркой женщиной, до глубокой старости сохранила свою стать: прямая спина, открытый взгляд. Ей предлагали руку и сердце героини-летчики, танкисты и фельдмаршалы. Но бабушка отказала всем и выбрала чернобрового красавца-танцора без званий и регалий.

Ее избранник, мой дед, не был глупым человеком, но, собственно, и умным тоже. Хорошо играл на баяне, наверное, когда-то хорошо плясал, я уже не застал, виртуозно играл в шахматы. Причем этот дар он открыл для себя неожиданно. Мой отец устроил деда, своего тестя получается, в пансионат директором клуба, чтобы не валтузился без занятия бывший танцор. Делать там было особо нечего: он фильмы какие-то заказывал, лилипутов на концерты выписывал, слонялся по пансионату, заходил в парк. А там такие большие шахматные столы стояли, за которыми играли отдыхающие. Дед тоже начал играть – на рюмочку, на бутылочку. Как ар-

тист, он, естественно, был неравнодушен к алкоголю и понял, что таким образом можно обойти бабушкин запрет. Дед стал выигрывать. То есть любовь к выпивке подтолкнула его на совершенствование в искусстве шахматной игры. Причем он обвел всех. Однажды обыграл дядечку, который, как выяснилось, был вторым лицом в федерации шахмат. И этот дядечка говорит: «Приезжайте в Москву. Вы же гений. Мы сделаем из вас чемпиона».

Дед с радостью принял предложение и умчался. Но склонность к алкоголизму сыграла свою злую роль. В столице начинающего чемпиона сначала повели в ресторан, где он сразу нажрался, проказник, нахулиганил, и его тут же от греха подальше отослали назад. Вернувшись, дед продолжил слоняться. Периодически поколачивал бабушку. В общем, безобразно себя вел. В итоге он в уже довольно преклонном возрасте бросил ее и сбежал с какой-то женщиной в Калугу, где и умер бесславно, забытый нашей семьей. Мы с моим другом Николаем Гастелло ведем на радио передачу «Простая политика», и однажды в эфир позвонила дама и язвительно так поинтересовалась: а знаю ли я, что мой дед похоронен в Калуге на таком-то кладбище? А я не знаю. Я так любил бабушку и так боготворю ее до сих пор, что мне, признаться, наплевать, где похоронен дед. Ничего хорошего он ей не сделал. Ничего не сделал хорошего и для меня. Ни богу свечка, ни черту кочерга. То есть бессмысленный субъект личной жизни. Не жалко мне его, и все тут.

Моя прабабушка, кстати, терпеть его не могла. Она из знатной купеческой семьи, с хорошим воспитанием. А тут этот – выпивающий бездельник без роду и племени. Не любила она его. Всю жизнь не любила.

...И вот я в Москве. Сначала жили на Каширке, в районе Москворечья. Счастливо, но не долго. Потом маме дали отдельную квартиру уже на «Войковской». Тут начался один из самых отвратительных периодов моей жизни. Просто ад какой-то. Я перешел в другую школу, в чужой, очень недружелюбный класс. Да и район был мерзопакостный, серый такой.

В старой школе я учился хорошо, а здесь сразу стал закоренелым троечником. Вместо уроков просто бродил по городу. Обошел, наверное, всю Москву, всевозможные музеи и театры. Я был предоставлен себе, мама в моем воспитании участвовать не имела возможности, она работала все время. Но от одиночества не страдал, я вообще в одиночестве чувствую себя комфортно. Просто человек такой, автономный, с детства. И даже сейчас периодически ловлю себя на мысли, что если какое-то время не провожу в одиночестве, тяготиться начинаю обстоятельствами внешней жизни. Не удается сосредоточиться.

Папа присутствовал в моей жизни фрагментарно. Он был очень больным человеком, потому что у него два раза было прострелено легкое и несколько раз – печень, а еще у него

была контузия. Что, впрочем, после расставания с моей мамой не помешало ему еще раз жениться, пятым браком, и завести пятого ребенка – девочку, по-моему, Настю. Иногда мама оставляла меня ему на воскресенье. Он жил рядом с нами, тоже на «Войковской». И особо мною не заморачивался. выдавал деньги, обозначая время, когда я должен вернуться. И я был счастлив абсолютно. Маршрутная паутина распространялась от кинотеатра «Байкал» до кинотеатра «Ленинград», посередине находилась синема «Варшава». Потом я возвращался, и мама меня забирала домой.

Иногда папа увозил меня с собой кататься на пароходу по Волге до Астрахани. Ночами мы вместе воровали с кормы тараньку, которую сушили на бельевых веревках матросы. Еще помню, что он никогда не выходил на экскурсию в Волгограде – во время Сталинградской битвы он потерял там почти всех друзей. Это был единственный раз, когда я видел его плачущим.

В той отвратительной школе на «Войковской» я стал много читать. То есть книги любил всегда, но тут просто проглатывал. Дюма, Гюго, Булгаков, Достоевский, Стругацкие... А в восьмом классе первый раз прочел, точнее, попытался прочесть Библию.

Одноклассница принесла в школу Псалтырь. Ветхие желтые страницы, побитые жучком и пахнущие тленом... Запах, сводящий с ума любого букиниста, любителя древней литературы. Для меня это был артефакт, книга из сказки, а для

нее – бессмысленная вещь. Я притащил в школу фотоаппарат «Смена-8М», и мы обменялись.

Я мало тогда что понял в Вечной книге. Я ее рассматривал, нюхал, гладил страницы, клал на нее голову. А потом отец одноклассницы выяснил, на что дочка обменяла древний фолиант, посчитал это глупостью: мол, выгоднее сдать раритетную вещицу в букинистический магазин. Пришлось вернуть Псалтырь. Я хоть и не подал виду, но был глубоко несчастен. Заноза засела в моем сердце.

И вот однажды, убираясь в классе, в одной из парт я обнаружил Библию. Это было уже современное издание, отпечатанное на тонкой папиросной бумаге. От удивления я чуть не выронил из рук пачку моющего порошка «Новость». Да и как тут было не удивиться! Вроде бы среднестатистическая школа времен глухого социализма, а тут на тебе, два раза подряд одноклассники притаскивают на уроки почти запретную книгу. «Это знак судьбы, нельзя его упускать», – сказал я себе и украл Библию без всяких угрызений совести.

Я принялся ее штудировать. Прочитал Евангелие, Бытие из Ветхого Завета и на этом остановился. Книга на меня впечатления не произвела, она мне показалась немного занудной, особенно в той части, где говорится о мытарстве, по сути, злого еврейского народа. Но, тем не менее, когда я убирал Библию на книжную полку, у меня вдруг возникло ощущение, что в скором времени я покрещусь.

В девятом классе я впервые увидел фильм «Обыкновен-

ное чудо» и, когда на экране уже мелькали финальные титры, понял, кем хочу быть в этой жизни. Волшебником и больше никем. Но дипломированных магов и чародеев в то время нигде не готовили. А в моем отроческом сознании это сказочное ремесло ассоциировалось с двумя профессиями, на которые можно было выучиться: режиссер и священник. Я тогда выбрал первую.

В то время я уже учился в другой школе. Из старой меня выгнали как безнадежного троечника. Мои новые одноклассники оказались добрыми и замечательными ребятами. Мы все были увлечены театром, устраивали спектакли, капустники...

Со священством же меня, обычного московского школьника, ничто не связывало, за исключением одного воспоминания: из окна еще деревенской школы я часто видел священника, идущего по полю в церковь. Я видел его всегда со спины и только издалека. Непосредственное наше общение состоялось намного позже, когда умерла бабушка. Она, помню, задолго до смерти, как любые сельские старушки, потребовала красивые погребальные облачения: ночнушку, тапочки. Мы с ней очень веселились по этому поводу, обсуждали гардероб, я ее еще в «Дикую орхидею» зазывал: «Давай в рюхах, бабуленция, ты же у меня такая модная». Она смеялась. Когда бабушка умерла, мы принесли гроб в церковь, вышел этот священник и спрашивает:

– Ну что, хороним?

– Хороним.

– Если с люстрой – семьдесят рублей, без люстры – тридцать. За свет-то платить надо.

– С люстрой, конечно, с люстрой. По высшему разряду.

А через год он сам умер, и люстру не включали. Дорого. Но в памяти у меня до сих пор картинка жива: маленький старичок, идущий в сумерках через поле турнепса по вытоптанной тропинке к мерцающему вдали куполу...

Решив, что профессия священника не для меня, я все-таки надумал pokреститься. В то время я рассуждал примерно так: «Что бы нам ни вдалбливали в школе, Бог есть, и он ошибок не делает. Раз Создателю захотелось быть представленным на земле этими пряничными зданиями с куполами, то надо пойти зарегистрироваться, и тогда, возможно, ты получишь ключ, ведущий к познанию секретов мироздания».

Накануне крестин мной был составлен четкий план действий. В 12.00 прихожу к папе, откровенно говорю, что хочу pokреститься, и прошу на это дело согласно церковному прейскуранту 14 рублей 00 копеек. В 13.00 крещусь в церкви Всех Святых на «Соколе», а через час, кровь из носу, я должен быть у кинотеатра «Ленинград». У меня там очень важная встреча. Причем если бы папа денег не дал, то я бы их украл, как ту Библию, и опять же без всяких угрызений совести. Но отец, хотя и был убежденным коммунистом, почему-то очень обрадовался моему желанию стать христианином и тут же выдал нужную сумму.

Мама, напротив, когда узнала, что ее сын отныне «овца божья», ругалась. Называла меня попиком и психически неадекватным человеком. Но еще больше ее возмутило мое намерение поступать на режиссерский факультет. «Хватит нам одного артиста в семье, выбери себе какую-нибудь нормальную профессию. Да и не поступишь ты!»

Но я твердо верил, что поступлю. Иначе быть просто не могло.

В 1983 году режиссерский курс во ВГИКе набирал Марлен Мартынович Хуциев. Для меня он был, конечно, режиссер непростой, весь такой талантливый, авторский, планы такие длинные снимал. Я на все пятерки сдал творческий курс и основные экзамены. Моя фамилия уже была в списках поступивших, и тут меня вызывает Марлен Мартынович и говорит:

– Ты знаешь, такая ситуация... Тебя же в армию заберут? А здесь под стенами ходят несчастные, старые, тридцатипятилетние студенты. У них это – последний шанс, но они не могут поступить, потому что ты сейчас займешь их место. А потом в армию уйдешь, и место твое пропадет.

– А выход? – спрашиваю. Я абсолютно доверял Хуциеву. Не имеет смысла вступать в какие-то отношения в искусстве без полного доверия.

– Надо забрать документы. Сходишь в армию, вернешься, и я тебя возьму.

Я так и сделал. А потом прочитал статью в «Московском

комсомольце» – «Папа вне очереди». Это про папу Тиграна Кеосаяна, известного режиссера, автора «Неуловимых мстителей». Дело в том, что бедняга Тигран сдал все очень плохо. Не добрал баллов. И место освобождали как раз для него. Позже в институте мы с Тиграном подружились, да и к Кеосаяну-старшему у меня претензий ноль. Если бы я был папой-режиссером и у меня ребенок был абитуриентом, я так же поступил бы. Вне сомнений. Но большой художник не должен врать. Если бы Хуциев честно сказал: «Такая ситуация: у меня – друг, у него – сын. И он мало набрал, а ты много набрал, но я должен, сам понимаешь...» Я бы понял, забрал документы... Но вот такой не свойственной, по моим тогдашним представлениям, большим художникам мелкой гнильцы никак не ожидал.

До армии оставался еще год. И я думаю: надо его чем-то занять. «Праздность оскорбляет душу» – мой девиз до сих пор. По справочнику нашел училище, где учат на операторов ЭВМ. Мне очень нравилась книга Стругацких «Понедельник начинается в субботу». И особенно инженер Привалов, который был кибернетиком, соответственно, программистом.

Учеба в ПТУ меня увлекла – в группе были три мальчика и двадцать девчат. Милейшие преподаватели. Они действительно привили нам вкус к информатике. Практику проходили в вычислительном центре мясомолочной промышленности. Но вскоре меня из училища выгнали, точнее – ушел по собственному желанию. Однажды девчата, набив что-то

на перфокартах, отправились на обед, а я подошел к технике и напечатал от себя: «Ваня хороший пацан». Однокурсницы процесс не проконтролировали и ввели мою фразу вместе с остальной информацией. Крику было! Пришлось перебивать все заново. А я ушел. Тем более что к тому времени подошло время опять поступать во ВГИК.

В тот год режиссерский курс набирал Игорь Васильевич Таланкин. Я опять сдаю все на пятерки. И меня опять вызывают в кабинет, и мастер говорит:

– Ты знаешь, такая ситуация... Тебя же в армию заберут?

Я про себя думаю: «Ну, началась старая песня».

– Но все-таки, ты так хорошо все сдал, что давай эксперимент проведем, – продолжает Таланкин. – Я тебя сейчас попрошу кое о чем. Сделай это, не задумываясь ни на секунду. Справишься – возьму.

– Ну давайте, – говорю.

– Удиви меня.

И я ему матом:

– Да вы что, одурели, маэстро? Я сюда новое слово в искусстве пришел сказать, а не удивлять вас!

Таланкин покраснел, пальцем в меня тычет и кричит:

– Вон отсюда, хамло!

А комиссия заливается. Я вышел, дошел до стенда, где вывешивали списки, и тут выскакивает девочка-секретарь.

– Назад, – говорит.

Возвращаюсь. Таланкин уже хохочет:

– От ты чудной! Оформляйся!

На курсе я познакомился с Федькой Бондарчуком и Тиграном Кеосаяном, который в этот раз все хорошо сдал и поступил. В прошлом-то году после обличительной статьи его не взяли, а кто занял в мастерской Хуциева освободившееся после моего ухода место, я так и не знаю.

Отучился я первый курс, и меня, вместе с Тиграном и Федором, забрали в армию. А когда вернулся, то сразу же переехал в общежитие. Моя мама к тому времени вышла замуж и в сорок лет родила второго ребенка – мальчика Стасика. Я не хотел их смущать и ушел. Это было только мое решение.

И потекла в общежитии жизнь замечательная и удивительная. Я был счастлив. Почти как в детстве. Мы пили, влюблялись, ночами писали сценарии на скорость.

Первый мой студенческий роман завязался на втором курсе, сразу после армии. Продлился недолго, кажется, неделю. Потом второй, третий... Все это было как-то весело, непринужденно, без особых обязательств, страстей и привязанностей. Я очень хотел иметь семью, но попозже. Мы, Охлобыстины, – долгожители, и наше биологическое становление растянуто во времени. Мой дед прожил сто четырнадцать лет, прадед – сто восемь, отец, правда, умер в восемьдесят, и то только из-за фронтовых ранений. Борода у мужчин Охлобыстиных начинает расти только после пятого десятка. У нас жиденькие, гаденькие волосенки, как у гоблинов, но зато мы никогда не лысеем. И женимся поздно, где-то после тридца-

ти.

А мне тогда было двадцать три, и я жадно, как Ганнибал Лектор, глотал жизнь. Гонял на мотоцикле, занимался айкидо, пропадал на съемочных площадках, писал сценарии. Помню, мы с моим другом оператором Колей Кривенко дважды пытались пойти на свидание и дважды не смогли, потому что в «Иллюзионе» в эти дни шли классные фильмы. Да, мы легко меняли гражданок на хорошее кино и рассуждали примерно так: «Ну, женщины – это да... Но чего сейчас валтузиться? Венецианский кинофестиваль, фешенебельные отели, пляжи, приключения, перелеты на частных самолетах, «Мартини», роскошные красотки-кинозвезды... Вот она – жизнь, достойная настоящего художника! И если сейчас потратить все время и силы на беготню, то этого не будет». И потом, правда, может не быть. Но когда ты к этому стремишься, у тебя это уже все равно что есть.

Такой вот парадокс.

Чтобы не вводить назойливых дев в искушение, я даже заключил пиратскую сделку с актрисой Ксенией Качалиной. У Качалиной тогда была несчастная любовь с музыкантом Алексеем Паперным. Большой вгиковской компанией мы отправились на фестиваль «Кинотавр», и в самолете Качалина мне предложила:

– Давай поселимся в одном номере. Пускай Паперный думает, что у нас роман. Поревнует, гад.

– Давай, – говорю.

Мы зарегистрировались в одном номере и, по-моему, встретились только раз на церемонии закрытия фестиваля. Вернувшись в Москву, я предложил Качалиной поселиться у меня на «Петровской-Разумовской». Коля Кривенко, с кем на паях я снимал квартиру, уехал самоопределяться на Украину, свою историческую родину. Мы прожили с Качалиной под одной крышей несколько месяцев, и все это время киношная тусовка была уверена, что у нас – роман. Я не хотел никого разочаровывать: «Пусть думают что хотят, мне лично все равно».

Потом они помирились с Паперным и улетели, кажется, в Вену, а я умчался на Каннский фестиваль с фильмом «Нога». Когда вернулся, узнал от друзей, что у Качалиной с Паперным все наладилось, и она переехала к нему. Я искренне порадовался за Ксению, потому что всегда ее нежно любил как друга. Она замечательный человек и, кстати, очень хорошая актриса. Жаль, что сейчас совсем не снимается, но надеюсь, что это все же временно. У актеров бывают периоды, когда хочется взять тайм-аут, отойти от профессии, понять, чего ты ждешь от будущего.

У меня, например, такой момент наступил довольно рано. К концу пятого курса я вдруг осознал, что жить в бешеном ритме дальше нельзя. Надо остановиться и попытаться найти основу, которая помогла бы систематизировать мировоззрение, понять: зачем «аз есмь»? Из всего перечня эзотерических учений я выбрал интегральную йогу, которую когда-то

практиковал в армии.

– Батюшка, скажи, а можно ли достигнуть сатори? – с нездоровым блеском в глазах часто спрашивают меня соотечественники, вступающие на путь медитации.

– Как плюнуть, – отвечаю, – но в одиночку не советую. Мозг поплывите.

В двух словах сатори – это состояние просветления, доступное, как принято считать в ведической культуре, лишь избранным. На самом деле это не так. Достичь сатори может каждый, ну или почти каждый, путем долгих и упорных медитаций. Если у меня получалось, значит, у любого дурака получится.

Я сидел в позе лотоса на руинах Херсонеса Таврического и зверски, по-русски, медитировал. День глаза пучу, два, три... А сатори проклятого все нет. Вместо чего-то космического и волшебного вижу вполне реальные картины своего детства: яблоневый сад, который посадил отец, священника, бредущего через поле, себя самого, сидящего у экрана черно-белого телевизора «Юность»... «Мемуары, – думаю, – какие-то, а не просветление!» И тут передо мной словно врата открылись, и оттуда пахнуло таким океаном, что мне, как тогда в детстве, опять жутко стало. Как смекалистый калужский селянин, я сразу же решил: «Неподготовленный туда – никогда! Только на церковном корабле».

Вернувшись в Москву, я стал ходить в храм. Посещал службы или же бродил под сводами пустых соборов. Но я

был еще бесконечно далек от веры и, наверное, никогда бы ее не обрел, если бы не любовь. Это она, Ксюха, моя Кыса, привела меня к Богу. Восторг всей моей жизни. Ныне, присно и во веки веков. Мы вместе уже тринадцать лет. Но день нашей встречи я помню до мельчайших подробностей.

Был месяц май. Преддверие очередного «Кинотавра». Я как раз аккредитовался на фестиваль, а вечером отправился в клуб «Маяк» встретиться с друзьями. На мне были шорты и мотоциклетная куртка, вдоль и поперек исписанная телефонами. Сам мотоцикл я оставил дома и приехал в клуб на такси – хотел провести вечер весело и непринужденно.

Я вошел, огляделся и обнаружил, что все разбиты на парочки и только одна посетительница сидит с двумя кавалерами – хмурыми бородатыми дядьками, как будто вышедшими из сериала «Угрюм-река». Я ее, конечно же, узнал – Оксана Арбузова, героиня нашумевшего фильма «Авария – дочь мента». Да и в институте ее встречал, она училась на курс младше, в мастерской Соловьева, но почему-то никак на нее не реагировал. А тут только взглянул и сразу понял: у меня будет большая семья – минимум шестеро детей, стиральная машина «Индезит» и склонность к гипертонии.

Как сценарист, я обратил внимание на детали: у мужиков были полные стаканы водки, а у нее – пустой, и она хохотала... Я взял бутылку «Финляндии», подошел к хохотушке и говорю:

– Мадемуазель, а не предпринять ли нам с вами романти-

ческую прогулку?

– Да, если вы обещаете отвезти меня домой.

– Обещаю. Клянусь честью.

И я действительно отвез ее домой, но только под утро и к себе. Всю ночь мы ездили по разным ресторанам, останавливались на каких-то освещенных улицах. Наконец оказались на Фрунзенской набережной, спустились к реке, я откупорил бутылку шампанского и сказал:

– Предлагаю тебе руку и сердце. Немедленно бери, пока не передумал.

– Беру, не передумывай, – ответила Кыса, и мы отправились ко мне.

Потом Ксюха вернулась домой. А я, как мы договорились, купил два ящика вина и поехал следом, знакомиться с ее родителями. Оделся более или менее прилично, чтобы их не шокировать. Кыса уже к тому времени была мне очень дорога, и я понимал, что действительно хочу жениться. Мне очень хотелось, чтобы этот человек был рядом.

Милейшая оказалась у Кысы мама, хотя и властная. Юрист в генеральском чине! Я подкупил Валентину Степановну тем, что взял с собой гитару и тут же сбацал: «Мадам, за гусара замолвите слово». Потом быстренько, пока не очухалась, разлил хорошего вина, и она тут же растаяла, как любая женщина. То есть я надавил на те кнопки, которые делают женщину беспомощной, после чего снова забрал Ксюху к себе.

Через неделю состоялось официальное сватовство. В тот день я с Гариком Сукачевым записывал песню «Думы ока-
янные» для одного проекта, который, к сожалению, так и не
состоялся. Он пел «Думы, мои думы», а я – «Хари Кришна». Смешной был проект, мы увлеклись, и в результате я опоз-
дал на три часа.

Дверь открыла Валентина Степановна. Я упал на колени,
в зубах – завядшие ромашки, которые я в самый последний
момент успел сорвать на бензоколонке.

– Молодой человек, вы ничего не перепутали? – сурово
спросила моя будущая теща.

А я в ответ заголосил:

– Все пропало! Все пропало!

Опять надавил, но уже на другие кнопки, которые про-
буждают в женщине материнское желание простить и защи-
тить. И Валентина Степановна меня простила.

Посидели мы очень неплохо, и где-то в середине беседы,
после третьей или четвертой рюмки моей любимой «Фин-
ляндии», я встал и заявил, что хочу, чтобы они знали обо мне
все. Снял рубашку и продемонстрировал свои татуировки.

– Какой ужас! – воскликнула Валентина Степановна.

– Прелесть какая! – умилился Владимир Евгеньевич.

Валентина Степановна хотела что-то возразить, но Влади-
мир Евгеньевич ее остановил:

– Не надо, Валюш. Все же по-честному...

Как геолог-буровик, он очень ценил в людях открытость,

для него это было самое главное в человеческих отношениях.

Моей маме Кыса сразу пришлась по душе, и поэтому большую часть времени, которую они провели наедине, она уговаривала ее не выходить за меня замуж, потому что я человек странный во всех отношениях и очень уж подвижный. «Вот увидишь, запутает он тебя, погубит», – говорила мама.

Но Кыса не поддалась.

Повенчаться мы решили в первый же день нашей встречи. Потому что были уже довольно взрослыми людьми и, встретив друг друга, сразу оценили, насколько благоволит к нам судьба. Ведь любовь – это чудо. А там, где чудо, там Бог. Я отвел Кысу к отцу Владимиру Волгину, или она меня отвела, и батюшка стал нашим духовником и наставником. Мы ходили к нему на службу в храм Софии Премудрости Божией, много общались, а перед венчанием решили исповедоваться и причаститься. Для меня это был период неофитства. Я хотел покончить со всем ненужным, что было в моем прошлом. Хотя оно было не таким уж и плохим.

Я не был ни наркоманом, ни бабником, а слухи о моем пьянстве не то что преувеличены, а очень и очень сильно преувеличены. Траву я курил, это да.

Но мне не понравилось. Пробовал писать в таком состоянии – не получилось. Путаница какая-то, мысль расфокусированная.

Во ВГИКе, в соседнем с нами блоке общежития, жили во-

сточные ребята. Такие холеные, творческие, пахли хорошо, умели кушать палочками, цитировали японские пятистишья – танки, знали поименно всех режиссеров прошлого и настоящего и беспрерывно курили хеш – анашу. По-моему, они до сих пор там сидят и что-то цитируют. Не зря говорят: анаша, анаша сушит мозги не спеша. Героин я не пробовал никогда. Печальный опыт моих институтских друзей подсказал, что смысла нет начинать.

Благодаря обаянию Димы Харатьяна нам удалось повенчаться и расписаться в один день. Дима производил, да и сейчас производит на женщин-чиновниц неизгладимое впечатление, как идол, и он уговорил их зарегистрировать нас именно в тот день.

В то время во МХАТе ставили мою пьесу «Злодейка, или Крик Дельфина», и Миша Ефремов организовал в ресторане МХАТа гулянку и взял на себя все заботы тамады. За что ему вечный респект и уважуха. Свадьба получилась роскошная. Со всеми причиндалами. Мы проехали под семью мостами, остановились на Воробьевых горах, положили цветы к Вечному огню. Мы не очень верили в эту ерунду, но надо было сделать все как у порядочных людей. А напоследок подъехали к клубу «Маяк», где мы познакомились, и в знак благодарности оставили у ступенек увеселительного заведения букет роз и разбили о порог мои наручные часы.

На свадьбу я надел смокинг. У Кысы было длинное шикарное платье. Позже это платье Михаил Олегович у нас ото-

брал, и в нем Женя Добровольская играла во МХАТе в пьесе «Злодейка, или Крик Дельфина». Мы с Кысой потом специально ходили несколько раз на спектакль любоваться ее платьем на роскошной актрисе в моей, в общем, тоже не плохой пьесе. И очень радовались, что у него, в отличие от всех свадебных нарядов, такой долгий срок жизни. Мой смокинг тоже послужил – в нем человек пять из нашей актерской тусовки женились.

За неделю до торжества мы с Ксюхой разучили танго и танцевали под музыку «В парке Чаир распускаются розы, в парке Чаир расцветает миндаль». Танцевали со всякими па, с расходами, сходами, перебросами. В финале у нее, естественно, в зубах была роза, а я, стоя на коленях, поцеловал ей туфлю. Гостям так понравился номер, что нас попробовали даже вызвать на бис. В конце концов Гарик Сукачев сжался надо мной, и они с Александром Ф. Скляром вдарили по струнам. Владимир Евгеньевич, мой тесть, даже проследил за мной и переменял к Гарынычу отношение. Не любил он его. Фашистом называл, а теперь говорит: «Человек серьезный. Мужчина».

Ровно через девять месяцев у нас родилась Анфиска – это тоже фантастика. Добрый символ того, что все будет хорошо. Анфиса родилась здоровой и веселой, много кушала, часто писалась и какалась. А мы за ней убрали, купали ее, учились пеленать. У Кысы тренинг был: она клала меня на одеяло и отрабатывала азы пеленания.

– Не двигайся, лежи смирно, – говорила.

– Не могу-у-у-у, щекотно! – мне действительно щекотно было, и я смеялся как ненормальный. Потом я клал ее и тоже тренировался, но толком пеленать так и не научился. Да и как отец я был субъект в хозяйстве не очень полезный. Пропадал на съемках, по ночам сценарии писал. У нас тогда все время дома торчал наш старинный друг режиссер Роман Качанов, гундел, что ему нужен новый сценарий, я садился, и мы с ним писали. Его задача была сидеть у меня за спиной и ворчать, что пора работать, моя – собственно работать.

Я ему говорю:

– Роман, главное – это творческий экстаз.

А он:

– Работать, работать...

Сидит, пьет много кофе, курит сигареты «Данхилл» и еще успевает с Кысой посплетничать. В такой вот беспокойной обстановке я написал сценарии «Даун Хаус», «ДМБ», «Неваляшка», «Взять Тарантину».

...Ксюхе продолжали поступать какие-то предложения сниматься, но они ей не нравились. И она решила, что все это беспокойство, суета, надо семье отдался. Через год после Анфисы у нас родилась Дуся, за ней Варя, а потом произошло событие, которое круто изменило нашу жизнь.

Мой друг, бизнесмен Василий Толстунов, попросил как-то отвезти в Софрино архиепископа Ташкентского Владимира. Мы выехали вечером, и где-то на середине пути машина

сломалась. Темнота, кругом поля, и как назло ни одного автомобиля. У меня в бардачке шахматы были, я их достал и говорю:

– Владыко, пока Вася кого-нибудь не пришлет, давайте сыграем?

– Давай, Ваня, – отвечает архиепископ.

Фигуры переставляет, а сам меня о жизни спрашивает. Я сначала стеснялся, мямлил что-то, а потом взял и честно рассказал свою жизнь, как на исповеди. Говорил, пока меня владыка сам не остановил:

– У тебя, по-моему, все хорошо, Ваня. Но только ты немного не на своем месте, тебе попом надо быть.

– Вы знаете, у меня такое реноме, мною же выстроенное, что вряд ли найдется архиерей, который меня рукоположит священником.

– Я рукоположу. Приезжай в Азию, через неделю будешь дьяконом, через месяц священником, послужишь и вернешься обратно.

– Но я же нигде не учился, да и ни одной молитвы, кроме «Отче наш», толком не знаю.

– Это не важно. Правящий архиерей может рукоположить любого человека, который способен нести на себе крест священства. А ты можешь, только молитвы выучи.

– Хорошо, – отвечаю. – Что смогу, выучу.

К слову, «сделал» меня владыка влегкую. Четыре раза. В позиционных играх задушил. А ведь у меня разряд по шах-

матам еще со школы. Великолепно играет!

Ну вот. Возвращаюсь домой и говорю Кысе:

– Собирайся, я буду попом, в Азии будем служить.

Она ответила только:

– Где же наш большой чемодан, не помнишь, кому мы его отдали?

При этом она уже была беременна нашим четвертым ребенком Васей.

Ксюха, как и моя бабушка, женщина неукротимой энергии и нереального мужества. Ей Бог дал столько, что это за гранью понимания. Она человек талантливый абсолютно во всем, этакая мега-мать... Гера... Богиня Земли.

Миша Ефремов, Гарик Сукачев и Дима Харатьян отнеслись к тому, что я стану священником, абсолютно нормально. Они понимали, что это мой выбор, и не сомневались в нем. Те, кто меня не знал, тешили себя домыслами... Какими – я особо не интересовался. Иногда в Интернете натыкался на споры: должен ли священник быть таким, как я, или не должен? Но мне на это глубоко наплевать. Я стал священником не для кого-то и чего-то, а просто так получилось. Воля Божья. Попробуйте оспорить.

Мне кажется, что к вере ведут три дороги. Одна из самых проторенных – потерянность. Когда человеком движет инстинкт самосохранения, базирующийся на страхе смерти. Вторая – восхищение: ты понимаешь величественность религии и то, что каждая душа в сути своей христианка, это

утверждал еще Тертуллиан. Третий путь самый внешне нелепый и самый трудный. Это путь солдата. Вот есть человек, прагматик, и веры у него никакой нет, потому что Бога он никогда не видел и не увидит. Но он до конца своих дней бьется, чтобы прийти к вере. Может быть, он так и не увидит ни одного чуда, не поймет, в чем, собственно, смысл мироздания. Но, обладая внутренней силой, он продолжит свой путь, доведет все до финальной точки и тогда постигнет Бога в самом себе. А это и есть самое главное. Наверное, мой личный путь к Богу – смесь второго и третьего.

Я сидел на кухне наших ташкентских апартаментов и читал статью в московской газете о несчастной жизни Ивана Охлобыстина в Средней Азии. В заметке говорилось, что мы живем в трущобах с удобствами во дворе, не доедаем и всячески страдаем. Что за бред, думаю. Мы живем комфортно и даже слишком. У нас прекрасная пятикомнатная квартира, которую сняли друзья, познакомившие меня с архиереем Ташкентским. Под окнами – шестисотый «мерседес», нанятый ими же. Я приезжаю в храм на «мерсе», а потом за мной архиерей на старой «Волге»... Он скромный человек. Настоящий. Везет мне на таких.

Устыдившись, я отдал машину Кысе, а сам стал в храм пешком ходить. Да так и быстрее было. На машине полчаса, а через рынок пять минут.

На рынке подружился со всеми торговцами. Сначала они меня раздражали, потому что прилипчивые, как банный

лист, и я старался с ними не общаться. Просто шел своей дорогой, и все. А потом один негоциант, торговавший орешками в золе, мне говорит:

– Почему ты, уважаемый, злишься?

– Да отстань ты, я ничего покупать не хочу, спешу.

– Нам поговорить охота. Продать – хорошо, но поговорить – еще лучше.

И мы подружились. Торговцы стали меня по рынку водить, лучшие точки общепита показывать. А самые вкусные места, как известно, очень далеки от цивилизации. У Мирабадского рынка есть такой павильончик грязненький, где вместо стен висят веревочки плетеные, гигантский орел сидит в деревянной клетке, потолок из пустых пластиковых бутылок и дурная музыка – азиатская попса. Но шашлык, плов – я таких нигде и не пробовал. Даже в самых дорогих столичных ресторанах, которые только имитируют восточную кухню.

Прихожане собора мне очень понравились. Они были лишены столичных понтов, у них проблемы другие – выживание, в первую очередь. К тому времени узбеки активно стали русских выдавливать, ни одного в начальниках не осталось, всех уволили. Работы – ноль, средняя заработная плата – тридцать долларов. Церковь стала их главным спасением, точкой объединения.

Мы прожили в Ташкенте семь месяцев, и все это время я, дети и Кыса были абсолютно счастливы. В Азии я почув-

ствовал что-то родственное, родное. Мне нравилось глубокое черное небо, усеянное бриллиантами звезд. Спокойный ритм жизни, общение с людьми, вкус настоящего узбекского плова. Мы ни в чем особенно не нуждались, у детей даже появились сразу две няни. В Москве мы себе такого позволить не могли. Первую няню звали Ирина, мы с ней познакомились в Ташкенте. Вторую – Димка Селезнев, мы его из Москвы привезли. Они с Кысой со второго класса дружат, и Димка с нами за компанию поехал, Азию посмотреть. Авантюрист.

Ирина была больше по хозяйственной части: каши варила, квартиру помогала убирать, ну и с детьми, конечно, сидела. А Дима – что-то вроде службы эскорта. Азия все-таки, одних девчонок страшно вато отпускать. Он с детьми и Ксюхой гуляли по Ташкенту, куда-то ездили на «мерседесе», и я был за семью совершенно спокоен, знал, что ничего не случится. И все-таки случилось...

В местном роддоме Ксюха родила нашего четвертого ребенка – Васю. Роды прошли хорошо. Помню, мы с Димкой приехали ее навестить. Взятки всем стали давать – какие-то конфеты, шампанское, шумели, шутили. А потом, на третий день, ей вдруг плохо стало. «У меня такая слабость. С трудом встаю. И голова кружится», – жаловалась она. Я тогда сиделся возле кровати, брал ее руку и молча гладил.

Врачи меня успокаивали, говорили: просто устала, плюс жара. Но Димка, он вообще-то по образованию медик, велел

сдать кровь. Мы сдали, и оказалось, что у Ксюхи гепатит С. Заразили при родах...

В том, что произошло, я никого не винил. И уж точно не Бога. И страшно мне не было, я не боюсь смерти. Конечно, я буду глубоко несчастен, если что-то случится с кем-то из моих близких, но не потому, что они умерли, а потому, что я остался один. Это сложно объяснить. Здесь, в Ташкенте, ко мне часто приходили люди, попавшие в похожую ситуацию, просили помочь, и я им всегда отвечал: «Делайте все, что в ваших силах, и молитесь, на все остальное воля Божья». То же самое сейчас я говорил и себе: «Нужно просто действовать, искать лекарства, и все будет хорошо. С нами Бог». Я молился и звонил, звонил, звонил разным медицинским светилам. Они все отвечали: «Ксюхе противопоказана жара, увози ее из Ташкента». И мы уехали.

После возвращения в Москву меня привезли патриарху показывать. В Троицком соборе это было. Я к нему подхожу, он меня с ног до головы осматривает, улыбается и спрашивает:

– А рога и хвост где?

Видно, рассказали ему обо мне что-то особенное.

– Только прикажите, Ваше Святейшество, тут же отращу.

Он опять улыбается и спрашивает:

– Ты мотоциклы любишь?

– Очень, но мне нельзя.

– Мне тоже нельзя. Но люблю с детства.

Так и познакомились.

Чуть позже мне посчастливилось общаться с ним – работали над сценарием «Там, где Восток», про жизнь русского духовенства в Прибалтике во время Второй мировой войны. Да, хлебнули люди горя. Но какие люди! Мощь!

Патриарх не хотел, чтобы фильм посвящали ему, но... «Там, где Восток» переименовали в «Начало пути», урезали «сомнительные, не по делу» эпизоды и приурочили, как поздравительную открытку, к юбилею. Святейший только руками развел.

На последней нашей встрече я пообещал ему сделать фильм о Вертинском. Жесткий, без дешевого гламура. О поэте противоречивом и неистовом, как эпоха, которую он представляет.

В Москве мама Ксюхи сразу же повезла нас к профессору со странной фамилией Родоман. Она про него в газете статью прочитала, что, мол, московский ученый в своей лаборатории создал средство, которое помогает бороться со СПИДом и гепатитом. Мы поехали к этому профессору и купили лекарство – серый порошок из каких-то минералов, с запахом куриных фекалий. Кыса стала его пить, и, действительно, через какое-то время анализы показали, что все нормально, гепатит не развивается.

Мы были счастливы, но вскоре столкнулись с новым испытанием – стало непонятно, на что жить. Я два года служил в храме Святителя Николая на Раушской набережной

бесплатно, поскольку «заштатник», писал сценарий многосерийки «Жития святых», но все это не приносило нормальных денег. В кино же, будучи батюшкой, сниматься не мог, во всяком случае, я так думал тогда. Мы продали машины, потом какую-то золотую чепуху, потом еще что-то и уже подходили к краю. Основная еда у нас была – консервированная фасоль, макароны с кетчупом и чесноком либо с давленным лососем из банки.

– Папа, опять макароны! – иногда возмущалась шестилетняя Анфиса.

– Не макароны, а спагетти. Представь, что мы сицилийские колхозники и у нас неурожай!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.